

Глава 4

Молодая пара, пылающая страстью, поспешно собрала вещи и ушла.

Смуглый спортсмен закатал рукава, обнажив кожу цвета пшеницы, резко контрастировавшую с кожей его парня. Он закинул оба их рюкзака на плечо, не позволив тому юноше нести ни одной вещи в руке.

Даже младенец догадался бы, почему они так спешили уйти!

Господи...

Он ведь пришёл сюда просто за культурным просвещением, а едва не оказался случайным свидетелем сцены, как из какого-нибудь японского порно!

Можно ли попросить таких парочек оставить библиотеку в покое?

Когда пара ушла, в читальном зале остались только он и угрюмый, но красивый парень.

Атмосфера сразу стала чище, а воздух наполнился лишь шелестом переворачиваемых страниц.

Журналы были совершенно новые, почти не тронутые, они всё ещё пахли свежей типографской краской. На некоторых страницах даже чувствовалась лёгкая липкость от ещё не до конца высохших чернил. Жар, наполнивший его тело, ещё не рассеялся. Он опустил голову. Его волосы были волнистыми, а кожа на затылке и кистях рук – бледной и изящной. Из-за худобы уши юноши казались особенно заметными, чуть розоватыми, ставшими едва ли не единственными цветными пигментами на его теле.

Поскольку он всё время смотрел вниз, то совсем не заметил, как угрюмый парень украдкой бросал на него взгляды.

Он просидел в библиотеке до 10:40.

С одиннадцати до полудня у него был урок по виолончели.

Нин Сун ушёл на двадцать минут раньше и направился прямо к музыкальному корпусу.

У него был ужасный топографический кретинизм. Кампус оказался настолько огромен, что у него закружилась голова. Ему всё время казалось, будто солнце светит с севера, и стороны света перепутаны. Он точно знал, что идёт на юг, но чувствовал, будто направляется к северу. Всё было не так...

В центре кампуса росли белые акации выше десяти метров, с густыми цветущими кронами. Когда дул ветер, ветви цветов качались, и их аромат окутывал его.

Белая акация была официальным цветком провинции Истон. Говорили, что один из бывших губернаторов был к ней особенно неравнодушен и активно способствовал её повсеместному распространению по всему округу.

После множества неправильных поворотов он, наконец, добрался до музыкального класса... и снова столкнулся с тем самым угрюмым парнем. Тот был высоким, с узкой талией и резкими чертами лица.

За исключением лица, вся его фигура состояла из острых углов. Он выглядел худощавым, но даже эта худоба казалась острой, почти колючей.

Угрюмый парень вошёл в тот же кабинет, куда собирался зайти и он сам.

Оказалось, они учатся в одном классе.

Когда Нин Сун вошёл следом за ним, до этого шумный музыкальный класс внезапно затих. Десятки шестнадцати-семнадцатилетних парней повернулись к нему.

Все они были одеты в одинаковую чёрную форму, и их взгляды заставили его почувствовать, будто он тонет в чёрной воронке.

Он был единственным учеником в классе с белым значком.

Высокий, красивый парень сказал ему: «Чего стоишь? Бери виолончель».

Он сразу узнал в нём старосту класса – Чэнь Мо. Тот на прошлой неделе добавил его в друзья в соцсетях.

У Чэнь Мо был низкий, но ещё юношеский голос, поэтому Нин Сун сразу его узнал.

Староста выглядел чисто и благородно...словно необработанный кусок нефрита.

В отличие от старшеклассника Чжоу, который с надменным видом смотрел на всех свысока, староста был просто холодным человеком. Но если обратиться к нему за помощью – он всегда помогал. Правда, без лишних эмоций.

За первые два месяца в Академии Истон, Нин Сун успел выучить местные правила. Все необходимые для учебного процесса вещи – музыкальные инструменты, спортивный инвентарь

- предоставлялись школой. Возможно, так старались минимизировать разрыв между учениками из разных семей.

С одной стороны - строгая иерархия, выстроенная до мелочей, а с другой - попытки замаскировать различия между слоями общества. Мир был поистине противоречив.

Он поспешил за виолончелью. Нин Сун был невысок, поэтому инструмент казался с ним особенно несоразмерным.

К счастью, юноша усердно практиковался последние два месяца... иначе с его болезненным телосложением он бы, наверное, и донести виолончель до стула не смог.

С инструментом в руках Нин Сун огляделся в поисках свободного места и встретился взглядом с угрюмым парнем.

Похоже, тот его узнал и бросил на него осмысленный взгляд.

Нин Сун сел на пустое место рядом с ним.

Он обрадовался, что нашёл кого-то вроде себя.

Как известно, обычные школьники и красавцы из старших классов - существа совершенно разные.

Именно благодаря обычным старшеклассникам, такие парни, как тот угрюмый, выглядели особенно ярко.

Но и наоборот это правило тоже работало: парни вроде него - как луна, а такие, как он сам, - тусклые звёзды, легко теряющиеся в их сиянии.

Он снова окинул взглядом весь класс.

Ему стало немного неловко за свои прежние переживания... уж слишком они были самодовольными.

В этой школе красивых парней было слишком много. Но он был самым незаметным в своём классе.

И даже притворяться не нужно: внешность и рост Нин Суна сразу ставили его в самый низ «рейтинга красавчиков».

Новые одноклассники источали уверенность, свежесть и блеск, порождённые богатством и влиянием.

Он окинул их взглядом и понял, что внешне и по манере поведения они мало чем отличались. Лишь двое выбивались из общего фона.

Один – тот самый угрюмый парень. Тут и говорить нечего: идеальный кандидат на роль главного героя школьной драмы. Слишком уж хмурый и слишком уж красивый.

Второй – мальчик на первом ряду.

Он был примерно одного роста с Нин Суном и столь же худощав, но при этом напоминал изящную фарфоровую куклу. У него были глаза-оленьи, но стоило им встретиться с взглядом Нин Суна, как тот сразу отвёл их в сторону, оставив в поле зрения только затылок. На затылке у него была маленькая косичка, длиной примерно с палец.

Нин Сун уже видел его... среди тех двадцати карточек!

Два главных героя в одном классе! Этого, пожалуй, достаточно?

Поскольку он был новичком, внимание всего класса сосредоточилось на нём. Несколько мальчиков начали обсуждать его по-английски.

«Он, правда, из Нижней Гавани?»

«Чёрт, Лу Цзысюань, не фотографируй его тайком! Ещё увидит».

А ещё Нин Сун услышал, как кто-то сказал:

«Как думаешь, он понимает, о чём мы говорим?»

«Может быть, давай лучше перейдём на французский».

«Он не реагирует. Точно не понимает».

Да как вам угодно! Говорите на любом языке!

Нин Сун чуть поправил виолончель.

«Ты Нин Сун?»

К нему наклонился мальчик в очках с совершенно заурядной внешностью.

«Да, привет» с улыбкой ответил Нин Сун.

Собеседник оказался весьма приветливым: «Привет, меня зовут Цяо Цяо*».

*Первое «Цяо» идёт как имя, а второе выходит из слова «хуацяо» – китайцы, живущие за границей.

Цяо Цяо был такой же невзрачный, как и Нин Сун, на вид — типичный книжный червь с белой кожей и тонкими губами. Он походил на героя второстепенного плана из романа – того, кто занимается сбором и распространением сплетен.

И правда, Цяо Цяо оказался очень разговорчивым. Он с живым интересом расспрашивал, где Нин Сун учился раньше и почему перевёлся в новую школу уже на втором году старших классов.

«Сядь рядом со мной» тихо предложил Цяо Цяо.

Нин Сун послушно пересел.

В новой среде важно как можно быстрее обзавестись друзьями. Отказываться от протянутой руки было бы глупо. К тому же, судя по одежде и манере поведения Цяо Цяо, он не походил на изгоя.

А это было важно. Если новичок первым делом подружится с тем, кого все сторонятся, очень велик шанс, что и его начнут избегать.

Цяо Цяо понизил голос: «Держись подальше от Пу Дарси. Он не любит, когда к нему лезут».

«Пу Дарси?»

Цяо Цяо кивнул. Увидев, что Нин Сун вообще не в курсе, он заговорщически поделился сведениями: «Тот молчаливый и сдержанный красавец – его зовут Пу Ю, а "Пу Дарси" – это просто его прозвище».

В средних классах он играл Мистера Дарси в постановке «Гордости и предубеждения», поэтому с тех пор все считали его школьным воплощением Дарси...

А знаете что? Они и правда казались во многом похожи!

Все парни в классе были привлекательные – неудивительно, ведь почти все они были наследниками богатых и влиятельных семей. Рост, манеры, внешний вид... всё это выдавало в них детей привилегий. Но Пу Ю выделялся даже среди них. В элитных школах никогда не было недостатка в «золотой молодёжи», но семья Пу стояла на самой вершине социальной пирамиды.

Цяо Цяо понизил голос ещё больше: «Его дед – Пу Минке».

Имя было названо без всяких титулов и уточнений, потому что в этом не было нужды. Это имя знали абсолютно все.

Нин Сун тайком достал телефон и набрал его в поиске.

Он сразу понял, о какой семье идёт речь.

Потому что его отец работал водителем в Доме Пу.

Во время беспорядков 9 декабря прошлого года, Мистер Пу был атакован участником протестов. Говорили, что отец Нин Суна, случайно оказавшийся рядом, рискуя жизнью, повалил нападавшего на землю. В благодарность Мистер Пу не только дал ему крупную сумму, но и нанял его в качестве личного водителя. Мать Нин Суна тоже уволилась из прачечной в трущобах и стала работать горничной в особняке Семьи Пу. Узнав об успехах Нин Суна в учёбе, Госпожа Пу порекомендовала его для поступления по специальной квоте в Академию Истон.

Родители Нин Суна были переполнены благодарностью и до сих пор не могли поверить в случившееся. В день, когда их сын переводился в новую школу, они даже не осмелились попросить отгул с работы.

Если представить, что у Академии Истон была собственная пирамида, то Пу Ю занимал бы её вершину. А Нин Сун – самое её основание. Не было в этой школе двух людей, которые располагались бы так далеко друг от друга.

Неудивительно, что одноклассники так странно смотрели на него, когда он сел рядом с Пу Ю.

«У нас в классе вообще-то всё спокойно» усмехнулся Цяо Цяо. «Нет класса дружнее нашего. Ну, кроме как в случае с Пу Дарси и Чжэньчжэнем».

«Чжэньчжэнем?» переспросил Нин Сун.

Нин Сун инстинктивно посмотрел на миленького мальчика, сидевшего в первом ряду.

Цяо Цяо ответил: «Чжэньчжэнь немного замкнутый. Может, он и не любит разговаривать с людьми, но на самом деле он хороший».

Он был красивый, утончённый, немного отчуждённый, богатый мальчик с фирменной маленькой косичкой и кучей «баффов».

Может ли он быть парой Пу Ю?

Нин Сун скользнул на Пу Ю взглядом.

С началом урока их преподаватель по виолончели сразу попросил Нин Суна сыграть что-нибудь, чтобы понять, насколько он владеет инструментом.

А он сыграл откровенно плохо...

На самом деле, последние два месяца он буквально зубрил всё подряд. Сразу после того, как он прошёл вступительный экзамен по особой квоте в Академию Истон, его родители записали его на множество интенсивных курсов. В четырёх главных школах Азиатской Федерации, в отличие от обычных средних школ, особое внимание уделялось всестороннему развитию учащихся. В своей прежней школе Нин Сун учился отлично, но в искусстве и спорте он сильно уступал всем этим детям из богатых семей.

К сожалению, приложить усилия к занятиям он так и не смог.

Ничего не поделаешь – ведь когда он попал в этот мир, он даже не знал, в какой именно роман перенёсся. Только когда мама радостно сообщила, что его можно будет отправить на собеседование в Истон, Нин Сун почувствовал, что где-то слышал название этой академии. И только тогда с ужасом понял: кажется, он попал внутрь романа...

Так что первым делом он начал думать, как бы заработать денег.

У него не было никаких выдающихся талантов. Он был сиротой, с детства болел, а кроме учёбы любил только играть в игры.

Сначала просто играл, а потом начал разрабатывать собственные.

В приюте был преподаватель по имени Лю Чаохуэй, который очень его поддерживал. С четвёртого класса начальной школы Нин Сун начал изучать программирование. Ровесники называли его гением.

Сам он так не считал. Он просто действительно любил программирование.

А ещё он был человеком, который, если чем-то увлекался, то с головой.

Его выступление почти сразу оказалось на школьном форуме: кто-то запустил прямую трансляцию его первого урока в Академии Истон, причём с фотографиями в придачу.

Он только что неловко доиграл пьесу до конца. Хотя и не слишком уверенно, но всё-таки... до самого конца.

Некоторые одноклассники откровенно посмеивались, а учительница была немного ошарашена. Но, возможно, она изначально не питала больших ожиданий: ребёнок, поступивший по спецквоте из трущоб, – и то, что он вообще платит за обучение, уже чудо. Что уж говорить об умении играть на виолончели. Искусство здесь...просто дополнительное украшение для детей из богатых семей.

Поэтому она придерживалась принципа поощрения: «Неплохо. Ты сыграл целую пьесу от начала до конца».

Этот бедный ученик, явно не обладающий понятием о стыде, ещё и улыбнулся вполне довольный собой, что смог довести произведение до финала.

Трудно было сказать, кто на кого опирался – он на виолончель или она на него, но со стороны казалось, будто тяжёлый инструмент вот-вот раздавит его.

Нин Сун не заметил, как в этот момент кто-то уже выложил всё его выступление в сеть: неловкие фотографии, пара саркастичных подписей, и трансляция с заголовком вроде «Первый день новичка из трущоб. Виолончельный крах в прямом эфире».

И, конечно, пост мгновенно начал набирать просмотры и комментарии.

Пусть он и не знал об этом, но своё «знакомство» с Истон он начал с того... что стал мемом.

К полудню фотографии Нин Суна уже разошлись по всей школе.

На перемене он пошёл в туалет и украдкой заглянул на школьный форум.

Стоило ему только войти, как повсюду оказались посты о нём.

— Что за новенький по спецнабору?

— Он ведь с Нижней Гавани, чего вы ожидали? Там вообще бывают симпатичные парни? Все симпатичные, наверное, уже давно приторговывают собой в подпольных барах и караоке!

— Очкарик, да и только.

— У него что, проблемы со здоровьем? Он такой бледный.

— Кто знает, в Нижней Гавани жить страшно! Он выглядит больным, хорошо хоть у нас в школе есть медосмотр при поступлении, а то я уж думал, вдруг он заразный какой.

Нин Сун увеличил своё фото.

Он был худощав, глаза казались непропорционально большими, а губы – болезненно бледными. Если бы он играл на скрипке... ладно, или хотя бы на чём-то побольше, вроде фортепиано, возможно, он выглядел бы привлекательнее. Но он выбрал виолончель.

Этот инструмент подчёркивал его хилость: кожа да кости, белые тонкие запястья, склонённая голова.

Черты лица у него были хорошие, но он выглядел слишком худым, совсем безжизненным. С первого взгляда он производил разочаровывающее впечатление, и, разумеется, никто не удосуживался разглядеть его получше.

Новые ученики на форуме соревновались в оскорблениях и насмешках. Кто-то с более слабой психикой уже впал бы в депрессию.

К счастью, Нин Сун был равнодушен.

Он больше переживал, что окажется втянут в какую-нибудь глупую гей-драму.

Но, похоже, этого не случится.

Однако он не знал, что кто-то в это время пристально разглядывал целую серию его фотографий на экране телефона.

Нин Сун улыбнулся учительнице после того, как закончил играть на виолончели.

Его волосы были мягкими и слегка волнистыми, а кожа – тонкой и белой, и хотя Нин Сун не был низкого роста, он всё равно выглядел несколько хрупким.

Кто-то приближал и приближал его изображение словно под увеличительным стеклом, пока весь экран не заполнился крупными планами лица юноши. Он внимательно осматривал его с головы до ног.

Экран погас, в его темноте отразились слабо голубые очки, а за тонкими линзами мелькнули влюблённые, нежные глаза цвета персикового цветения...

<http://bllate.org/book/14433/1276219>